

Хрущев: “Расстрелять каждого, у кого нет кукурузы в кармане”

Все помнят, как 1 апреля 1956 года Хрущев собрал на Красной площади около 500000 партийных лидеров со всей страны и объявил им решение Политбюро о введении в стране военного положения в связи с неурожаем кукурузы на Чукотке. Каждый гражданин с восемнадцатилетнего возраста должен был носить в кармане кукурузный огрызок и открытку с изображением счастливого советского чукчи. Всякий, кто будет схвачен без этих важных атрибутов, будет подвергнут на месте смертной казни через четвертование. Сия радостная весть была торжественно сообщена по радио всему советскому народу.

Вы поражены?

Не удивляйтесь – вы, конечно, не помните такого события, не изучали его в школе, не слышали о нем и нигде о нем не читали, и все это по одной простой причине – этого события никогда не было. Теперь подумайте: что было бы, если бы кто-то пришел и рассказал целому народу, что подобное событие произошло, и еще добавил бы от себя массу ошеломляющих и невероятных деталей... Как восприняли бы его слова? Нет никакого сомнения, что его сочли бы сочинителем небылиц последней стадии...

А если бы рассказчик был человеком с большими ораторскими способностями, умеющий убеждать людей, смог бы он их убедить?

Несомненно, что это ему ни в коем случае бы не удалось.

А если бы, допустим, он выполнил эту непосильную задачу и...

убедил бы. Этого недостаточно! Чтобы рассказ стал частью принятой истории, недостаточно убедить слушателей поверить рассказу сейчас, сила убеждения должна быть такой, чтобы выдержать испытание временем, ведь эти люди должны теперь верить в рассказ до конца своих дней с той же силой, с тем, чтобы они могли передать его потомкам... И все они должны так верить, ведь нельзя, чтобы некий «диссидент» шептал людям на ухо, что рассказ неточен. Магическое воздействие сочинителя должно простираться до конца дней присутствующих и с той же силой! Может ли такое быть? Был ли такой прецедент? И если кто-нибудь утверждает, это тем не менее произошло, кто должен будет доказать свое утверждение? Разве не тот, кто считает, что произошло «внедрение» истории?!

Более того. Рассказчик должен вывести себя из истории.

Чтобы те, кто передают рассказ, рассказывали его как уже известную им историю, а не сообщали, что слышали его от такого-то (как передаются рассказы христианства и ислама), рассказчик должен позаботиться о том, чтобы никто не рассказывал об историческом событии рассказывания им этой истории... Какова будет реакция слушателей, если после попыток убедить их в истинности рассказа, обратится он к ним и скажет: «Я прошу, чтобы никто не смел рассказывать, что я поведал вам эту историю... Вы должны рассказывать ее как событие, уже известное вам...» Разве никто не заподозрит обмана? Все ли выполнят его требование, никто не нарушит его?

Рассмотрим же несколько примеров из повествования Торы. Если принять мнение тех, кто утверждает, что Тора не была написана в тот период, о котором говорит Традиция, она должна была быть «вживлена» в сознание народа в более поздний период. Могла ли преуспеть такая «операция по вживлению»? Ведь в Торе есть такие заповеди, как *цицит* («кисти видения»), *тфилин* (филактерии), *шаатнез* (запрет носить одежду, состоящую из шерсти и льна вместе), запрет на смешение молока и мяса и т.п., которые показались бы очень странными, если бы были заповеданы человеком. Тора содержит описания таких необычных

событий, как Исход из Египта и принятие Торы на Синае, переход через Красное море и ман, падающий с неба. Разве слушатели могли бы принять их от какого-нибудь оратора безоговорочно? Остались бы они верны этому рассказу до конца своих дней и передали бы его сыновьям и внукам беспрекословно?

тфиллин

Более того. Каким образом неизвестный «сочинитель» смог стереть себя из истории, ведь если есть какая-нибудь логика в словах тех, кто утверждает, что рассказ об откровении у горы Синай начался не с прямого массового свидетельства, а с кого-то, кто пришел и рассказал о нем, куда делась история этого события (назовем его «событие внедрения»), когда рассказ был поведен в первый раз? Ведь рассказ об этом событии должен быть одним из центральных рассказов, передаваемых из поколения в поколение, и куда же он пропал? Возможно ли такое, что система, помнящая такие многочисленные детали, забыла (или смогла заставить забыть) такое драматическое и важнейшее событие? Мы знаем в точности, когда были закончены Тора и Танах (Библия), когда записана Мишна и когда окончательно отредактирован Талмуд. Мы знаем мельчайшие подробности о жизни

наших Мудрецов и многие другие вещи, а такое событие – если бы оно было – забыто? И не существует ведь никакой группы, пусть даже малочисленной, которая бы сохранила память о таком событии, и нет никакого документа, описывающего такое событие или косвенно его упоминающего.

Если бы кто-то предложил народу Тору в более поздний период, нежели тот, о котором говорит традиция, было бы очень трудно убедить евреев принять ее. Что сказал бы безымянный «внедритель»? Если он скажет: «Я получил ее сейчас и записал», ему сразу же ответят, что в Торе написано: «И написал Моше эту Тору...» (Дварим 31:9), то есть она уже была записана руками Моше.

Таким образом, ясно, что «внедритель» не сможет сказать: «Сегодня я записал ее» или «сегодня она была написана»; он должен будет сказать, что она уже была записана, а чтобы ему не задали сразу же вопрос «почему же мы ничего о ней не слышали?», он должен будет утверждать, что Тора была потеряна, а он открыл ее! Но тут ему зададут вопрос: «Ведь в этой Торе есть обещание, что она никогда не будет забыта» – «и ответит перед ним эта Песнь свидетелем, ибо не забудется в устах его потомков» (Дварим 31:21) – и вот она забыта! Ведь кроме тебя, ее никто не помнит... Если же тот, «внедритель», скажет: «Ведь я-то помню, Тора тайно передавалась в моей семье из поколения в поколение», ему ответят две вещи:

1. Когда Тора пишет «и ответит перед ним эта Песнь свидетелем», мы ожидаем, что это свидетельство будет убедительным, как подобает «свидетельству», которое дает Б-г. Если же все свидетельство основано на настолько узком канале передачи, оно недействительно, ведь свидетельство одного человека всегда может выдумать этот самый человек. Таким образом, это пророчество не исполнилось, и этот факт сам по себе может служить доказательством того, что это – не слово Б-га, и заставить слушателей отвергнуть слова «неизвестного внедрителя».

2. Написано в Торе: «Только берегись и очень храни душу твою, чтобы не забыл ты все те вещи, которые видели твои глаза, и чтобы не отошли от твоего сердца все дни твоей жизни, и учи им твоих сыновей и сыновьям сыновей» (Дварим 4:9). Как может быть, что это повеление, написанное таким требовательным языком, не было выполнено ни одним человеком? А если оно не было выполнено, как может «внедритель» убедить слушателей, что они должны начать такую упорную передачу из поколения в поколение?

Вывод: «внедрение» Торы в более поздний период, чем об этом говорит традиция, не преуспело бы, и оно, таким образом, невозможно. Поскольку такого «внедрения» не было, ясно, что Тора была записана в то время, о котором говорит традиция, и дана людям, которые пережили описанные в ней события и могли подтвердить или опровергнуть их, и тот факт, что они приняли Тору, является дополнительным доказательством того, что откровение у горы Синай действительно произошло так, как это описывается.